

За Партию

№ 3

15 (2) октября 1912 г.

№ 3

Париж, 14 октября 1912 г.

Царизм не умер. Царизм умирает. Революция нанесла ему смертельную рану. История произнесла над ним безысходный приговор. Только слепорожденные либералы и потерявшие зрение легалисты-утописты не видят, что исполнение этого исторического приговора над царизмом совершено. Первые думцы, вырванные революцией у испуганного правительства, не сумели, конечно, довести дум до освобождения России. Это не есть думцы. Но они ясно, перед всей Россией и перед всем миром, установили одно. Почти вся страна, кроме сравнительно немногочисленного класса паразитов, отпала, отвернулась от старого самодержавного режима. Несмотря на то, что усовершенствованная «бульварная» доктринальская конституция связала избирателей по рукам, и партия и почти все население заняла путь, обреченный на поражение, почти полным антипарламентским. Они показали старому царскому режиму, что между ним и страной истерия вырвала глубокую пропасть. Провозгласив решительный и окончательный единств. всего рабочего и крестьянского народа в сторону от царизма. Царское самодержавие впервые вынуждено смерти в глаза. Отныне Россия и царское правительство — два смертельных врага, между которыми война не прекратится. Соотношение общественных сил, составляющее по Лассалю сущность конституции определено в пользу народа против правительства. В этом смысле можно без преувеличений сказать, что российская революция победила. Царизм вместо хозяина страны должен был быть чужим, не официально объявлять себя атаманом Союза Русского Народа, т. е. наемником озорной шайки бандитов.

Государственный переворот 3 июня имел в виду насильственно удалить с политической сцены «зуботолкающий» народ, отнять у него руки помещиков и черной сотни, и стремлясь, таким образом, скрыть от глаз страны, вырванную революцией между правящим классом, опиравшимся на короноушанную черноту, и народом.

И смертельно раненый самодержавный зверь, прежде чем испустить последний вздох, бросается безумно на сторону, жестоко мстя всему, что понадеялся ему на пути. Первыми жертвами падают его политические враги, его военнопленные в тюрьмах и каторге. Жестокое и безжалостное истребление политических противников, колоссальные, небывалые раньше в высказывании потрясающей трагедии из Зеренту и Кутумар. Царское самодержавие метая народ за чувство глубокой и нескрываемой к нему ненависти, за беззастенчивое отрицание его политического авторитета. Жестокость правительства по отношению к нашим политическим братьям и сестрам — это жестокость отчаяния, жестокость труса и проигравшего игрока, который, расчитывая на минутную безнаказанность, ищет в провале своих зверских инстинктов доказательство своей уже давно несуществующей силы.

По смертельно раненому царскому самодержавию надо удивить своей жестокостью не только Россию, но и весь мир. Авантюристская политика 3 июня практикуется в мировом масштабе. Оштраф на английских и французских капиталистических мировые хищники-империалисты. Николай Черноостенко устранил погром Перси, грозил Китаю и тайно подстрекает балканские народы, при преступном содействии кавказской партии, к международной свалке. Короноушаный погромщик, обанкротивший самодержавие, расчитывает, таким образом, спасти свой понадевавшийся трон, набить свои окровавленные руки на всеобщий мировой пожар.

Зеренту, Кутумар и Балканы, как это ни звучит парадоксально, связаны одной общей глубокой причиной: отчаянной борьбой за существование смертельно раненого царского самодержавия.

Его конвульсии насилие на успехе покоятся на своем роде, озверившем от искуств предгрознаго наступления пролетариатам, всевропейскому капитализму. Союз самодержавия с европейским капитализмом не подлежит сомнению.

Открывается новая эра истории. Начинается решительная борьба не на жизнь, а на смерть старого мира с новым. Капитализм связал свою судьбу с царизмом трупом. Пролетариат не может погибнуть. История не может кончиться самоубийством. Каковы бы ни были перемены предстоящей войны — победы на стороне живых сил будущего, а не на стороне трупов прошедшего. Капитализм не спасет царизма. Совершится обратное: царизм погубит капитализм.

По это не произойдет само собою. Пролетарии всех стран должны все теснее и теснее сплотиться, чтобы каждый раз достойно встретить объединенные силы политической и экономической реакции. Если европейские короноушаные и не короноушаные хищники захотят покарать всевропейской войной, то как говорить Workerts. организуем четырехмиллионной рабочей армии, результаты могут оказаться не те, которых ожидают сами хищники...

Еще одна раскольничья конференция.

Читатель! Вы слыли в географии? Если — да, то скажите, где находится гора, родившая миф. Не знаете? Это показывает, что есть весьма важный пробел в ваших географических сведениях.

Я не имею права сообщить вам, где именно находится названная гора: это было бы «конспиративно». Но, кажется, я не обязан скрывать, что на горе, родившей миф, только что вышла мифотворческая конференция русских ликвидаторов и ликвидаторских о-д. организация, до сих пор входящих в состав нашей партии. Эта конференция должна была составить противоядие той конференции, которая была созвана Лениным и его последователями в начале нынешнего года. Противники Ленина со всех крыш возмущались, что эта конференция будет не то, что ленинская: она-де положила начало столь желанному для всех нас единству, сплотит огромное большинство наших партийных сил, и наметит новые пути для русского социалдемократического движения, тем и поразит старую гору, до сих пор довлеющую тактическими конятинами, выработанными группой «Освобождение Труда». Скажем, сниская надлежала чрезвычайно много славы. Но вышло так, что гора она не была: результаты только что состоявшейся конференции оказываются прямо таки жалкими во всех отношениях. Впрочем, это объясняется предельно низким географическим уровнем.

В конференции приняли участие: 1) Социалдемократия Латышского Края, 2) Кавказский Областной Союз, 3) Бунд. Латышская социалдемократия и Бунд принадлежали к тем организациям нашей партии, которые назывались национальными. Что касается Кавказского Обл. Союза, то он до сих пор не имел определенного характера, но по этнографическим условиям в нем, естественно, преобладали нерусские элементы. В виду этого возникает вопрос: как же была представлена на конференции собственно русская часть Р. С. Д. П. П. Извещение о конференции свидетельствует, что в ней участвовали: Петерб. Инп. группа, Моск. Инп. группа (большинственная), Моск. группа (меньш.), Севастоп. социалдемократическая военная о-ция, Красноярская о-ция, социалдемократические элементы Союза черноморских ордонных команд. Это, как видите, совсем-совсем жалко. Надо еще иметь в виду, что под этими названиями группами у нас по большей части понимали группы дятелей, но тем не менее другие причинами ушедших из партии и работающих внепартийно от нее, а очень нередко и против нее. Именно из этих групп выходили молодцы, возмущавшие, что партия наша уже ликвидирована самой жизнью, вследствие чего не было бы стремиться к ее ликвидации. К тем же группам принадлежали бородачи, стропильщики, которые отжило свой миф, что из них следует бить без оглядки, и что необходимо раз навсегда и безоговорочно вернуть со всеми понятиями его восстановления. Если теперь все эти джентльмены в лиц своих представителей приняли участие в заседаниях, происходивших на горе, родившей миф, то по этому поводу, конечно, можно сказать: всякий имеет право быть нелегитимным. И с этим согласен. Но я полагаю, что не следует злоупотреблять даже и этим драгоценным правом. А нам жестоко злоупотребил бы всякий тот, кто вообразил бы, что представители указанных джентльменов могут быть признаны представителями той или иной организации Российской Социалдемократической Рабочей Партии. Покойный Чацкий говаривал: «Позушай! Ври, да знай же мфу». И нельзя не сознаться, что он был прав. Не мнѣется соблюдать мфу даже и в случаях умственного отклонения от истины. И, точно так же, людям, не окончательно восстановившим против требований логики, полезно относиться с недоверием к тем господам, которым приходится в голову блажь величать себя представителями Российской С.-Д. Р. Партии на том единственном основании, что им не удалось оную разрушить.

Итак, джентльмены-ликвидаторы в счет не идут (да и их то было на конференции, что называется, как кот на плакате). А если вычлени ликвидаторов, то кто же остается? Остается Севастопольская военная о-ция, Красноярская о-ция и «социалдемократические элементы Союза черноморских ордонных команд». Ах, господа, господа! Вольно же вам было собираться на горе, родившей миф!

Что скажете теперь Ленин? Он закричит во всю силу своих легких, что за вами нет ничего по той простой, но вполне достаточной причине, что представители нашей социалдемократической Руси были собраны на его конференцию. Он будет неправ. Но только отчасти. Ведь за вами, из самых дятел, нет русских организаций. Ведь эта Красноярская о-ция, составляющая в Вашем бедном мифе то-то в роду pièce de resistance, является пока еще весьма неопред-

ленной величиной. Я не хочу хулить ее, но я совсмь не уверен в том, что она не идет на буксире у ликвидаторов. А если это действительно так, то...

Неудача неудач рознь. Та неудача, которую потерпел «Орг. Комитет», имеет смышной и жалкий характер.

В продолжение нескольких лет им, господа, уютно и писанно надлежало вад подпольем, доказывая его позную неужности. Люди, осмелившиеся заметить, что нельзя обойтись без подполья в нынешней России, изображались нами, как слепцы, неспособные увидеть новые задачи новой эпохи. И те, которые из вас доходили до того, что объявляли чуть не преступлением против пролетариата самый крик: «Да здравствует подполье!» (см. статью Соломона Немудрого в «Голосе Социалдемократии»); а потом вдруг, до соображения кружковой дипломатии, вы ринулись, что нам надо съезжаться на подпольную конференцию. Легко понять, что именно могло у вас при этом получиться. Что поспешь, то и пожеми!

Составители «Извещения» о конференции сами чувствуют, что им приходится «извещать» своих читателей о жалкой неудаче. Это — неприятная обязанность. К счастью, представляется возможность позолотить горькую пилулю. «Извещение» говорит:

«Апрельская стачечная волна и первомайское движение создали более благоприятную атмосферу для политической работы партии. Но мифотворчество политическое ожесточение другой своей стороной ударило по конференции. На оживление в рабочей среде администрации откликнулись массовыми арестами, хватывая, с одной стороны, всех людей «с промашкой», а с другой — всех передовых рабочих, так или иначе выдвинувшихся во время апрельско-майских выступлений. Таким образом, непосредственным результатом политического подъема явилось разрушение, — разрушение, лишь временное и притом поверхностное, — ряда мифотворческих организаций: из Николаев, Одессы, Екатеринославля, Севастополя, Харькова, Кіев, отчасти из Петербурга и из других мѣст».

Допустим, что это, в самом деле, так, т. е. что аресты были непосредственным, — точнее сказать: посредственным, — результатом оживления в рабочей среде. Спорить об этом не стоит, так как с нас достаточно того, что аресты имели место. Можно было бы спросить о том, осторожно ли поступили составители «Извещения», перечислив пострадавшие мѣстности; но теперь уже поздно говорить об этом: когда слово вылетит, тогда его не поймаешь; а когда его напешешь пером, то, как известно, не вырубил топором. Но вот о чем можно позлостать и теперь. Из приведенных строк видно, что у нас до настоящего времени был «целый ряд мѣстных организаций», и что, если эти организации разрушались, то, разрушались, лишь временно и притом поверхностно. Очень приятно слышать! Тем более приятно, что икий Г. Петровский убрал, — за что его похваливала редакция итьего «Голоса Социалдемократии», — что нашей партии совсем не существует. Как почувствует себя сей достопреступный гражданин, прочитав указанные строки «Извещения»?

Правда, редакция только-то что названного органа, защищая этого господина, утверждала, что, по его словам, партии наша не существует лишь как оформленная иерархия учреждений, но это была просто-напросто нелепый софизм. Но какому новоду загворил г. Петровский о несуществовании нашей партии? По тому, что икто-то из его единоличников обвинил их стремление к ее ликвидации. По его словам, нельзя было стремиться ликвидировать то, что уже не существовало. Стало быть, из какой же смышль говорить о несуществовании партии? В том самом, из которого можно говорить о несуществовании умершего человека. Другими словами, из том смысле, которому резко и прямо противоречит сообщение о недавнем существовании целого ряда мѣстных организаций. Повторю, очень приятно даже от людей, икогда защищавших г. Петровского, услышать косвенное подтверждение того, что он сказал нехорошую неправду.

Кстати. В «Извещении» нет ни слова о том, что конференция осудила поступок г. Петровского (попору: поступок, потому что есть слова, равносильные поступкам). Чѣм была вызвана такая молчаливость?

Ни слова нет и о тех джентльменах, которые вопили гласом великим, что подполье нам теперь уже совсем не нужно. А между тем, конференция высказала то убеждение, что нам теперь без революционной подполья обойтись совершенно невозможно. Почему же она не нашла нужным опровергнуть или хотя бы только отвергнуть мѣстные джентльменов, глумившихся над ним? Вспомните, как говорится у дѣдушки Крылова:

*) «Социалдемократическая партия уже в настоящее время, когда ее организации в целом вынуждены оставаться нелегальной и т. д.» см. «Извещение», стр. 28, резолюция. «Об организации форматов парт. строительства».

„Можно, все это знаю я сама:
„Да это крыса — жид гума!“

Дальше. Когда Органком. Комитет постановил пригласить с решающим голосом на партиную конференцию „инициативных“ групп, в огромном большинстве случаев состоявших из людей, *исшедших из партии*, тогда они мотивировали это свое постановление тем, что в настоящее время невозможно разобрать, какая мистическая организация принадлежит к партии и какая не принадлежит. Так, по крайней мере, говорил из двояко из песни кто миф его представлял. Но теперь выходит, что наше положение вовсе не было до такой степени хаотично, как это можно было предположить на основании указанного довода Органком. Комитета. Теперь оказывается, что у нас был целый ряд мистических организаций. Надо думать, что это были все партийные организации (*). Но в таком случае довод Органком. Комитета выходит несостоятельным, и его постановление лишено достаточного основания.

Но это постановление надлежало очень много вреда. Оно оттолкнуло от конференции Польскую Социал-демократию и русских партийцев обеих фракций (т. е. как меньшевиков, так и большевиков). Значит же повелевалось это эгоистическое постановление? Оно было принято по соображениям круговой дипломатии.

Составители „Инициативы“ пишут, — простите их бог, — дозволяю так тяжелым слогом. Но их слог становится легким и даже проникновенным, когда они заговаривают о партийном единстве. Они любят единство тем же горячим любовью, которую питают к нему тов. Ленин. Не думайте, что я шучу. Ленин очень любит единство. Только он всегда хочет, чтобы в объединенной партийной организации ему было обеспечено большинство. Это у него „вечное“ — род неуга — *in conditio sine qua non*. Чтобы обеспечить себе большинство, он готов проглотить даже столь дорогое ему партийное единство. Но я недаром говорю, что его противники из ликвидаторского лагеря так же подобны ему, как подобна правая перчатка левой. Они ликвидаторы — в некотором роде меньшевики, но они страдают тем же недугом, что и Ленин: они тоже непреклонно хотят, чтобы в объединенной партийной организации за ними было большинство. Для обеспечения себе такового они готовы пожертвовать тем самым партийным единством, мысль о котором им есть дарь даяти или таковой слог легким и проникновенным. Допущение на партиную конференцию с решающим голосом „инициативных“ групп, составленных из ликвидаторов *extra muros*, нужно было заткнуть, чтобы ликвидаторы *intra muros* не оказались в безнадёжном меньшинстве. Только для этого Орг. Ком. выдвинул на себя непростительный грех превращения той конференции, которая могла бы быть, в самую дрянную, общепартийную, в такую, которая вышла безобразным ублюдком, объединив часть партийных элементов с частью элементов, ушедших из партии и враждовавших с нею. Орг. Ком. тем самым показав, что ему не по росту было братья за хвост партийного объединения.

Но напрасно составители „Инициативы“ думают, что, если бы не аресты, то на их конференции из русских организаций присутствовала бы не одна только Красноярская группа и не один только черноморский „элемент“. Аресты, разумеется, очень неприятны тем. И вполне возможно, что они консулись, между прочим, и тактикой организации, которая сочувствовала ликвидаторам. Но были и продолжатели существования и такие организации Р. С. Д. Р. П., которые отказались участвовать в конференции только по той причине, что ясно увидели, кому и зачем понадобилось совершенно несправедливое приглашение на неоинициативных групп. И тактикой несправедливой организации значительно больше, нежели сочувствием. Почему больше? Да очень просто! Подпольные организации не могут смотреть, как на своих товарищей, на господ, возмущающих *упражнение подполья*. Это ясно, как дважды два — четыре. Ясно даже для составителей „Инициативы“. И не менее ясно, что люди, бывавшие из подполья, никак не подолжили организации не составляли. Что же остается делать этим людям, когда им вздумается созвать „партийную“ конференцию? Им остается только утверждать, что на их зов восторженно откликнулись множество партийцев, продолжателей оставаться в подпольных организациях. Составители „Инициативы“ так и делают. Они чрезвычайно охотно распространяются теперь о меньшинствах партийцах, будто бы только и жаловались того, чтобы их созвала на „партийную“ конференцию труба ликвидаторского Орг. Ком. Им приятно слышать о том, что партии существуют в таком большом количестве. Хотя и не безусловно. Приятно потому, что из прежнего времени, совсем-совсем недалекого от нас, публицисты того отъезда, к которому принадлежат составители „Инициативы“, показывали себя большими скептиками по части существования м-к-партийцев. Кто поверил бы этим публицистам, тот подумал бы, что м-к-партийцы — вполне ничтожная величина в Российской Социал-демократической Рабочей Партии. А кто прочтет „Инициативы“, тот оставит себе противоположный взгляд на этот предмет. Они увидят, что Орг. Комитет имать дело с м-к-партиями приходилось, по меньшей мере, так же часто, как и с ликвидаторами. Как же не сказать: „приятно слышать!“ Но, скажут эти, необходимо говорить с. Некоторые из м-к-партийцев, ивших дело с Орг. Ком., производят странное впечатление людей, не понимающих своих собственных задач. Но о таком недостатке слышать совсем уж неприятно.

Что такое меньшевик-партийцы? Это — такой меньшевик, который отстаивает единство партии и партийную дисциплину, точно так же, как большевик-партийцы, — такой большевик, который отстаивает то же единство и ту же дисциплину. Но можно ли отстаивать партийную дисциплину, мирясь

с тем же время с тем несмысленным нарушением партийного устава, каким является приглашение на партийную конференцию людей, покинувших партию и провозгласивших необходимость ее разрушения? Нет! Поэтому, будучи очень доверчивым, тем, что в сфиге есть много меньшевик-партийцев, я не могу не чувствовать себя огорченным, слыша, что некоторые м-к-партийцы сочувственно откликнулись на призыв Орг. Ком.

Впрочем, надо, еще спросить, точно ли велико было их сочувствие. Весьма возможно, что между нами и Орг. Комитетом было большое недоразумение. Очень нестрогий по части терминологии, Орг. Ком. называл *общепартийной* изумительную конференцию, списанную на м-к-партийцев окранных организаций, из групп, которыми принадлежала ликвидация борьбы с партией, и которая поэтому весьма резонно называлась „инициативной“, и, наконец, из знаменитой отныне Красноярской организации, а м-к-партийцы, доверчиво полагая, что они утолщили слова в их настоящих значениях, радостно приветствовали его поименно (*). Если дело происходило так, — а мнѣ кажется весьма вероятным, что очень часто оно происходило как раз так, — то нельзя обвинять м-к-партийцев в нарушении правил логики. Можно пожалеть только о том, что они были слишком доверчивы. Кроме того, надо сказать еще и вот что. С тех пор, как началась эра конференций, неожиданно появилась какая-то особенная и очень странная раздвоенность м-к-партийцев. Она присутствовала на всех конференциях. И не затихла, тоби, присутствуя на них, разбавляла... терминологическая ошибка людей, списавших эти конференции в интересах своих, которая. Против такого присутствия возражать ничто невозможно. Напротив, меньшевик-партийцы еще долго прошлого года решали, что они пойдут на каждую из раскольничьих конференций, чтобы разоблачить их раскольничьи характеры. И некоторые из организаций Восточной России так и поступали: воюющими т. Вассана, уступавшего на к-нн Ленина и своим постоянным протестам порядочно-таки испортившего ленинскую обложку. Я знаю, что другие о-ции того же отъезда собирались пойти с тем же целью на ту конференцию, о которой я нить удовольствия беседовать теперь с читателями (**). Но есть, т. е. собственно фигурировать в их отчетах о раскольничьих конференциях, такие „меньшевик-партийцы“, главная отличительная черта которых состоит в том, что они ведут себя прямо противоположно обязанностям партийцев. На ленинской конференции они соглашались с Лениным, на ликвидаторской — с ликвидаторами. А это значит, что они сами не знают, чего они хотят. Ясно, что у меня не может быть оснований радоваться многократности таких м-к-партийцев. Но, говоря откровенно, мнѣ кажется, что они не очень многочисленны. Когда думаю о них, мнѣ напоминает мифический Вольтер о бог: если бы бога не было, то его следовало бы выдумать. Я полагаю, что, если бы меньшевик-партийцы этой разновидности не существовало, то их непреклонно выдумали бы в переживаемую нами эпоху раскольничьих конференций. Они безусловно необходимы для официальных отчетов: тем больше меньшевик-партийцев и большевик-партийцев участвует в данной конференции, тем больше похвала она на общепартийную. И если можно выдумать бога, то почему же нельзя выдумать меньшевика или большевика-партийца? Можно сказать, накупив последние раскольничьи конференции один из членов Орг. Ком. убивал меня, что он подготовил способствовать много плахиологов. Я разумею в смысле, что же это чудак. Тогда он называл мнѣ, между прочим, одно из 16 лиц, подписавших под извѣстным манифестом, направленным против меня и защиты редакции „Голоса Социал-демократа“. Об этих лицах я тогда не печатно сказал, что они, естественно, шипят против меня, как и все клансы лиц ликвидаторства. Тихий „плахиологов“, пожалуй, не мало, но о них можно говорить с серьезным видом только в тех случаях крайней нужды, когда даже бога выдумали, подобно Вольтеру.

Конференция окранных организаций и Красноярской группы производят тем же больше впечатление, что она состоялась в ту пору, когда сознательный пролетариат всего мира заходил под сильными впечатлениями съезда Германской партии в Хемниц, еще раз показавшего, как должны вести себя с. д., не на словах только преданные партийному единству в партийной дисциплине. Неужели мы никогда не последуем примеру наших германских товарищей? Неужели сознательный пролетариат не сумеет положить конец жалким и вредным пронкам фракционных гешефтхатеров?

Примитивно к конференции Красноярской Группы и пр. Хемницкий съезд Германской социал-демократии учителем также потянул. В пренях с так называемым гешепгенским столкновением выяснилось, что один из его участников, небезызвестный Радекс, перелгал быть членом партии. Тогда съезд единогласно решил, что Радекс не имеет права голоса в их внутренних делах. Для гешепгенских социал-демократов это само собою разумеется. А как эта аксиома остается столь непонятной, что мы до сих пор не

*) Нечетко замечается и в названии самого Комитета. Какой же орг. Ком. Рос.-С. Д. Рабочей Партии? Не точно и название конференции. Она не есть конференция организаций Р. С. Д. Р. П. Она есть к-ция некоторых партийных о-ний, пожелавших объединиться с некоторыми антипартийными организациями. Я уже замечал выше, что и этих посланных было очень мало. Они и поименно: разбавлять из подполья, *воспитательные* ликвидаторы не могли нить желание вернуться в него.

**) Мнѣ извѣстны организации, которыми только аресты помешали исполнить это свое намерение. Но на аресты меньшевик-партийцы смотрят не как на непосредственный результат недавнего политического суждения. По крайней мере, одна из о-ний этого отъезда русской с. д. нить видеть в аресте плод провокации, сохранившейся на почве недостаточного серьезного отношения к делу со стороны „общепартийной“ к-ции. Она против меня предстает гласности это же убеждение. Эта организация в току же была оной из тех, которые после не собраны пути на конференцию. Ее резолюция была напечатана в № 2 „За Партию“.

Не утверждая, с своей стороны, относительно провозглашено ничего за вѣрною, я говорю одно: необходимо назначить раздвоенное на этому поводу.

доукиваем, имѣют ли голоса во внутренних делах нашей партии господа, *urbi et orbi* возмущающие о прекращении ее существования или соображения бѣжать из нее как можно скорее.

Германские партейтаги относятся к нашим раскольничьим конференциям приблизительно так, как Ахилл к Гектору — в прерывную Орситу. Пора русским рабочим понять это и положить начало новому порядку вещей.

А что сказать о резолюциях, принятых на последней раскольничьей конференции? Как в сфиге надо ожидать, от них на десять верст несет духом дипломатии. Я уже отбѣтил выше, что конференция не нашла нужным проглотить хотя бы одно слово осуждения по поводу ликвидаторских безстыдных, основывавших собою последние годы нашей партийной жизни. Можно ли! Это было бы против „инициативных“ групп.

„Ради Бога, осторожность!“

„Осторожность, господа!“

Но прервала раскольничья конференция ни одного слова осуждения и по поводу того общезнаменитого факта, что в Польшу Вудд вошел в соглашение с П. П. С., не принадлежащей к нашей партийной организации, против П. С. Д. принадлежащей к ней. Протестовать против дѣйств Вудда! Можно ли!

„Ради Бога, осторожность!“

„Осторожность, господа!“

Осторожные участники конференций, которая засѣдала на горѣ, родившей мнѣ, даже похвалили Вудда за его явное нарушение партийной дисциплины. Из резолюции гласит:

„Привѣтствуя заключенные избирательные соглашения между Вуддом, с одной стороны, Польской Социал-демократической и Социал-демократической Партией Литвы — с другой, конференция выражает надежду на то, что товарищи из социал-демократии Польшы и Литвы также присоединятся к этому соглашению в виду того, что, помимо общих предѣлов послѣдствій раскола рабочей партии в избирательной кампании, такой раскол в Польшѣ является особенно пагубным в атмосфере царившей в Польшѣ национальной вражды“.

Вот оно как! Раскол предан. Поэтому Вудд дѣлает раскол. А потому читает мораль Польской Социал-демократии, по отношению к которой он самым очевидным образом нарушил свою партийную обязанность. Тут нельзя говорить ни о логикѣ, ни о справедливости, а можно замкнуть только одно: больше дипломаты засѣдали на горѣ, родившей мнѣ! И болѣеими дураками считались они читатели „Инициативы“ об их конференциях!

Может, пожалуй, покажется удивительной стоворичность Красноярской группы, представлявшей на этой конференции социал-демократическую Русь. Но что же дѣлать? Исключительность положения обязывает. Своей скромностью Красноярская группа напоминает мнѣ блаженный памяти „экономистов“. Тѣ тоже шли за Вуддом, как темень за матерью, и тоже встали и неслись говорили о национальном вопросе. С своей стороны, Вудд всеми силами поддерживал „экономистов“, тем и выискивая славу страну за историю своих отношеній к русскому рабочему движению. Но не опасая стоворичных „экономистов“ поддержка со стороны Вудда. Вѣдь, что не будет счастливы нѣ в стоворичная Красноярская группа.

Не так давно наши канкавские товарищи, в лицѣ одного из самых видных своих представителей, взяли за неосмотрѣ („ревизию“) революционных традицій российской социал-демократии. Тов. Ан. утверждает, что теперь нам сгдѣдует отказаться от мысли о гегемонии пролетариата. Социал-демократы Канказа отнеслись без надлежащей суровости к этому отступничеству. Они как-то сами раздѣляли „критический“ взгляд товарища Ан. Это была большая ошибка. Теперь они наказаны за нее. Отказавшись от мысли о гегемонии пролетариата, они подчиняются гегемонии Вудда.

До того подчиняются, что даже и на национальный вопрос смотрят через очки, притоголенные будовскими ситѣ дѣла мастерами. Они говорят о культурной автономии для Канказа (**). Но требование такой автономии имѣет, — поскольку *интерес*, — смысл в устах Вудда, представляющего ремесленное население, лишенное территории. Что же касается Канказа, то, требуя автономии для него, надо требовать вообще самоуправления, — иначе, политической автономии, — для этой вѣдь охрежденной территории, не ограниченной весьма туманной автономией культуры. Польская Социал-демократическая Партия (дѣвица) так и дѣлает. Она хочет широкой политической автономии для Польшы (***), и она, по своему, совершенно права. А канкавские товарищи, заговорившие о культурной автономии имѣют автономии политической, только засвидѣтельствовали о факторѣ своего неразумнаго подчинения гегемонии Вудда.

Национальный вопрос сталъ очередным на Канказѣ. Это — плодъ реакции. Прежде, даже националистические элементы приспосабливались тем к социалистическим. Теперь — социалистические — стремятся приспосабливаться к националистическим. И — первое слово принадлежит, конечно, Вудду. Мнѣ думается, что канкавские товарищи потому и рѣшились принять участие в ликвидаторской конференции, что созили необходимость приспособления социализма къ национализму. Они созидали для, по крайней мере, чувствовали, что господа ликвидаторы готовы приспосабить все, что угодно рѣшительно к чему угодно, лишь бы только озаили нѣ поддержку в их изпроумных дипломатических комбинациях. Жаль, жаль мнѣ канкавских товарищей. За ним есть в прошломъ болѣе болѣе. Но правду говорилъ глубокой эфеский мыслитель: все течетъ, все измѣняется...

Summa summarum: новая раскольничья конференция представляетъ нѣчто, в полномъ смыслѣ слова, негнѣтное, какъ по своему составу, такъ и по жалкому личностному со-

*) См. резолюцию „Объ единствѣ избирательной кампании“, „Инициативы“, стр. 27.

**) См. резолюция по вопросу о культурно-национ. автономии, „Инициативы“, стр. 42.

***) См. „Инициативы“, стр. 32, прим.

*) Я думаю такъ потому, что составители „Инициативы“ говорятъ сейчасъ же послѣ указаннаго на аресты: „Разумеется, тотъ же подлѣзъ создавалъ условия для возсоздания партийныхъ организаций на несравненно болѣе широкомъ фундаментѣ“. Ясно, что и разрушенныя были партийныя.

